

УДК 93

Е.П. СКОРИКОВА
(hi-catherine@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ДИСКУССИЯ О СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ В РЕСПУБЛИКЕ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ В 1924 г.: ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ*

Анализируется проблема сохранения местных диалектов как фактора историко-культурных традиций немцев Поволжья. На материалах периодической печати раскрывается дискуссия в образовательной сфере, в которой принимали участие студенты, практикующие учителя, педагогическая элита.

Ключевые слова: *периодическая печать, республика немцев Поволжья, культурная традиция, историко-культурная память.*

После указов Екатерины II о привлечении иностранцев в Россию в Поволжье прибыли почти 70 тыс. колонистов. Они обосновались обособленно, сохраняя при этом свой традиционный образ жизни, обычаи и язык. Среди переселившихся колонистов были преподаватели, церковнослужители и просто высокообразованные по тем временам люди. Они и становились первыми учителями детей колонистов в церковно-приходских школах. Однако уровень подготовки преподавателей с каждым поколением становился все ниже, и уже не все учителя хорошо владели литературным немецким языком. По этой причине все чаще преподавание в школах велось на диалектах.

В конце XIX в. в колониях появились первые земские школы, в которых усиленно проводилась русификация. К этому же времени относится и организация в поволжских немецких поселениях двух гимназий, двух прогимназий, учительской семинарии и нескольких частных школ повышенного типа с 6-летним курсом обучения. Но преподавание в них уже также велось на русском языке [6].

По сведениям 1909 г., в 133 немецких селах было 102 церковно-приходские школы, 68 земских, 11 министерских, 2 центральных, 2 гимназических, 2 прогимназии и 13 частных школ, и учительская семинария в селе Ровное. Школы повышенного типа готовили кадры интеллигенции для немецких колоний – писарей, частично учителей и дали возможность детям переселенцев продолжать образование [3, с. 225].

На территории проживания немцев Поволжья сложилась крайне тяжелая обстановка со школьным образованием. Годы первой мировой войны, революции и гражданской войны нанесли сокрушительный удар по сложившейся в дореволюционный период гармоничной и эффективной системе образования в немецких колониях на Волге.

Если 1914 г. грамотность немецких детей школьного возраста была самой высокой по России, то за 14 лет этот показатель снизился более чем в 2 раза, вплотную приблизившись к уровню грамотности детей кочевых народов. В значительной степени ущерб был вызван реализацией декрета Советской власти об отделении школы от церкви. Во многих случаях старые церковно-приходские школы просто закрывались, взамен же предложить было нечего. Колоссальный дефицит учительских кадров, учебной литературы и школьных помещений сводили на нет все попытки правительства улучшить ситуацию.

Начавшийся в 1921 г. голод и сложнейшее социально-экономическое положение области немцев Поволжья нанесли еще один тяжелый удар по духовной жизни ее населения, и в особенности по системе народного образования. Проходивший в апреле 1922 г. пленум обкома РКП(б) вынужден был констатировать практически полный развал школьного дела. Отмечалось резкое сокращение количес-

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

тво действовавших школ, одной из причин которой стала острая нехватка учителей. Не получая по несколько месяцев заработную плату и продовольственные пайки, учителя вынуждены были покидать села и уезжать в город, отыскивать любую работу, способную прокормить их семью [Там же, с. 227].

По мере преодоления голода вопросам народного образования вновь начали уделять внимание. Постепенно увеличивалось количество работавших школ, учителей и учеников в них. Одной из экстренных мер по решению проблемы нехватки учителей стало расширение открытого еще в сентябре 1922 г. педагогического техникума в с. Ровное. Однако доля учителей, прошедших подготовку в этом техникуме, оставалась ничтожно мала. По-прежнему учителями в начальных школах в основном становились выпускники семилеток и средних школ. Если учителя в русских школах повышенного типа имели в основном высшее или специальное среднее педагогическое образование, то подавляющее большинство учителей в немецкие школы набирались из числа выпускников этих же учебных заведений, а поэтому имели низкий профессиональный уровень преподавания.

Стоит добавить, что в таких условиях уровень развития выпускников немецких школ оказывался удручающе низким в целом, и особенно плохо обстояло дело с владением литературным немецким языком, на который со временем перешли все официальные учреждения республики немцев Поволжья. На немецком языке обучались только 54% учеников семилеток и 31% учащихся школ 2-й ступени [6].

На таком фоне 27 февраля 1924 г. в газете «Nachrichten» (нем.: «Известия»), издававшейся в столице республики, городе Покровск, появилась заметка следующего содержания: «Во время собрания учителей кантона Бальцер 9 февраля был поднят вопрос, на каком из вариантов немецкого языка следует вести уроки – на литературном или на диалекте. После долгой дискуссии стало понятно, что мнения на этот счет разделились: большая часть присутствовавших считала, что уроки должны проводиться на литературном языке, однако диалект может служить в качестве вспомогательного средства; с точки зрения другой группы учителей диалект совсем не должен использоваться в школе, поскольку местный вариант немецкого языка настолько сильно разошелся с литературной нормой, что больше не может считаться диалектом. Задача учителя – помочь ученикам выучить литературный немецкий язык настолько хорошо, чтобы совершенно исключить из школьной практики использование диалектного варианта.

В заключении собрание постановило, что учителю следует самостоятельно решать этот вопрос, выбирая наиболее удобный способ общения с учениками, с целью максимально облегчить понимание материала. Учителя Бальцеровского кантона просят всех, у кого имеется собственное мнение по этому вопросу, поделиться им в газете «Nachrichten» [11, с. 4].

Эта небольшая заметка вызвала в печатных изданиях республики целую дискуссию, не оставшуюся без внимания газет всесоюзного масштаба. К слову, подобные дискуссии к тому времени уже не раз возникали в местах компактного поселения немцев на Кавказе и Украине [10, с. 4].

Прежде всего, помимо основного поднятого вопроса, огромное негодование вызвало высказанное в заметке мнение, что «местный вариант немецкого языка настолько сильно разошелся с литературной нормой, что больше не может считаться диалектом». Уже в первом отклике, появившемся 29 марта 1924 г., автор, прежде всего, напомнил сторонникам подобных взглядов о том, что тот вариант немецкого языка, который в настоящее время считается литературной нормой, исторически восходит к диалектам двух групп: среднегерманской и баварско-австрийской [8, с. 4].

Студент-филолог Франц Шиллер в своем ответе, опубликованном 12 апреля 1924 г. в свою очередь добавил следующее: «Почему язык наших колоний не имеет право претендовать на звание диалекта немецкого языка? Наши исследователи едва смогли найти хоть сотню заимствованных слов, в то время как в современном немецком языке их насчитывается до 70 тысяч. Нет – такое мнение может сформироваться лишь из-за невежества или презрительного отношения к собственной культуре. На наших диалектах до сих пор говорят в некоторых областях Германии – изменилась лишь фонетика. Борьба с суровым степным климатом и особенности социальных отношений определило уникальный путь

развития языка поволжских немцев. В этих условиях диалект не только сохранился и естественным образом продолжил развиваться, на нем создан богатый пласт народной поэзии, к изучению которой до сих пор практически никто из исследователей не обращался» [10, с. 4].

Его мнение поддержал ругой участник дискуссии, Фр. Бах: «жители наших колоний используют в своей речи подчас меньше русских слов, чем жители многих пограничных районов Германии, или, например, Швейцарии» [1, с. 214].

В итоге, практически все участники дискуссии, включая Йозефа Русса, опубликовавшего в рамках обсуждения этого вопроса свою статью «Литературный язык и диалекты» в московской газете «Труд», особенно подчеркнули, что с течением времени изменяется любой язык, а не только его диалектные варианты. Более того, нередко литературный язык обогащается словами, входящими в него именно из диалектов, и цель учителя, как ответственного за передачу культурного наследия члена общества, должна состоять именно в сохранении культурных традиций, сохранении диалектов, а не в стремлении вытеснить их из употребления и уничтожить [9, с. 5].

Относительно главного вопроса мнения на страницах прессы также разделились. Представляя литературный немецкий язык как связующее звено поволжских немцев с культурой их исторической родины, с великими образцами немецкой литературы, одна группа высказавших свое мнение, настаивала на необходимости полного запрета на использование диалектов в стенах школы. По их мнению, в условиях, когда большинство детей в немецких колониях дома говорят исключительно на диалектах и зачастую даже не слышат иной речи, крайне важно создать в школе возможность полностью погружаться в литературный вариант своего родного языка: «Если и в семье, и за ее пределами люди разговаривают исключительно на диалекте, то в школе нужно разговаривать исключительно на немецком. Иного места для того, чтобы слышать правильную немецкую речь, у детей нет. Поэтому ученик не должен слышать от своего учителя ни слова на диалекте» [Там же].

Выше упомянутый Ф. Шиллер подчеркивал необходимость такого подхода в школах высшей ступени. Он указывал, что «задача этих учреждений – готовить будущих учителей, или давать необходимое образование для дальнейшего поступления в профессиональные училища... Но главное – эти школы должны создавать новый класс рабочей интеллигенции, который в отличие от прежних интеллигентов будут свободно владеть литературным немецким языком» [Там же].

С другой стороны, противники этого мнения приводили свои аргументы. Принимая утверждение, будто в школах Германии никогда не говорят на диалектных вариантах немецкого языка, они обращали внимание оппонентов на крайне низкий уровень развития немецких детей в Поволжье по сравнению со сверстниками в Германии. Дети начинали посещать школу в 8-9 лет, а некоторые и позже. До этого никто из них не ходил в детские сады, как дети в Германии, не состоял в пионерском движении, они не были знакомы со своим культурным окружением и многие никогда даже не слышали литературного немецкого языка. Учитывая такие особенности, учителям приходилось применять самые примитивные методики в попытках «вывести» ребенка из привычного окружения и привлечь к учебе. Одним из самых эффективных приемов налаживания отношений с детьми многие признавали именно общение первое время на их родном языке, то есть местном диалектном варианте. По их мнению, этим учитель сможет мотивировать детей учиться читать и писать, читать книги на литературном немецком языке, что и поможет им развить свои скрытые таланты. А необходимость говорить в школе на диалектном варианте со временем отпадет сама собой, по мере того, как ребенок все увереннее начнет пользоваться литературным немецким языком [4, с. 4].

Эту точку зрения уточнил опытный педагог, пожелавший остаться неназванным, чья статья была опубликована уже 9 мая 1924 г. Он справедливо подчеркнул, что речь может идти лишь об использовании диалектов на уроках в качестве вспомогательного средства. На его взгляд, чтобы наладить с учениками дружеские отношения, достаточно одной беседы, после чего использовать диалект стоит лишь в тех случаях, когда дети не понимают объяснения на литературном языке. И, напротив, по его сло-

вам, тот факт, что учитель разговаривает иначе, так, как написано в книгах, может вызвать у учеников лишь интерес [7, с. 4].

Обращаясь к своему педагогическому опыту, он писал: «Я преподавал в различных школах и никогда не прибегал к помощи диалектов, однако трудностей с пониманием между мной и учениками не возникало. Это же подтверждают многие мои коллеги. Иногда, в 6 классе я разрешаю ученикам отвечать на диалекте, например, когда они не слишком хорошо говорят на литературном языке. Но затем мы вновь повторяем эти упражнения, используя литературный язык. Это помогает расширить словарный запас» [Там же, с. 4].

Конечно, принимая во внимание сложную ситуацию с нехваткой квалифицированных учителей, участники дискуссии понимали, что сами учителя далеко не всегда владели литературным немецким языком на достаточно высоком уровне. Возможно, многим из них было даже легче перемежать свою речь диалектными словами и оборотами, чем строго следовать нормам языкового стандарта. Поэтому некоторые указывали именно на то, что учитель, прежде всего, должен следить за красотой собственной речи, не переставать совершенствоваться и стремиться стать образцом для своих учеников.

В частности, Фр. Бах уже в газете «Unsere Wirtschaft» (нем.: «Наше хозяйство») пишет следующее: «Если так много учителей выступают за использование диалектов в школе, в большинстве случаев это означает, что они просто ищут удобный способ скрыть собственную неспособность разговаривать на правильном литературном немецком языке. В то же время, эти люди зачастую не владеют ни одним диалектом, что делает их речь совершенно запутанной и даже комичной» [1, с. 214].

Участие в обсуждении вопроса принял и известный на тот момент лингвист и большой знаток поволжских диалектов немецкого языка профессор Георг Дингес. Прежде всего, в своей статье он подчеркнул, что литературный язык не так разительно отличался от поволжских диалектов, как многие пытались это представить, и уж тем более неправомерно говорить о слишком сильном расхождении диалектов с литературной нормой, и невероятной русификации языка поволжских немцев. Георг Генрихович также напомнил всем своим коллегам «основное правило дидактики»: от простого – к сложному, от известного – к неизвестному. Соглашаясь с мнением студента Шиллера и учителя Дельберга, опубликовавших свои отклики ранее, он призывает не отказываться от использования диалектов в качестве вспомогательного средства преподавания и подкрепляет свою точку зрения забавным примером: «...я представляю себе учителя одной из наших школ, который на уроке биологии пытается объяснить детям слово «суслик». Ему придется потратить 5 или 10 минут драгоценного времени для того, чтобы объяснить детям, что это за «животное», не говоря «ни единого слова» на диалекте. А может все-таки учитель имеет право напрямую сказать, что сусликом у нас называют обыкновенного байбака, и уже потом позволить детям самим рассказать, кто такой этот байбак и что он делает? Неужели это так сильно может повредить дорогому для нас литературному языку? Мне кажется, всякий учитель выберет именно второе решение» [5, с. 255].

В заключении отметим, что на официальном уровне вопрос о положении диалектов в республике в целом, и возможности их использования на уроках в частности, так волновавший представителей интеллигенции из среды немцев Поволжья, был официально решен значительно позже. В 1936 г. был введен запрет на употребление и изучение диалектов немецкого языка в школах и вузах, а попытка сохранения диалектов в учебных заведениях объявлялась «проявлением кулацкого национализма и пособничеством германскому фашизму». Отказ говорить на литературном немецком языке в то время мог быть рассмотрен как «нежелание проявлять солидарность с немецким пролетариатом, ведущим борьбу против фашизма» [2, с. 11].

Этот запрет, а также последовавшая депортация поволжских немцев определили судьбу местных диалектов немецкого языка, память о которых сейчас хранит лишь кипа лингвистических анкет в архиве города Энгельс, заполненных в колониях республики учеными-энтузиастами во время этнографических экспедиций в 1920-х гг.

Литература

1. Бах Фр. Литературный язык или наречие? // Unsere Wirtschaft. 1924. №8.
2. Гартвиг Б.В. Народное образование в автономии немцев Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004.
3. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М., 2007.
4. Дельберг Е. Язык преподавания // Nachrichten. 1924. № 90.
5. Дингес Г. Литературный язык, наречие и сельская школа // Unsere Wirtschaft. 1924. №9.
6. Ерина Е.М. Очерки истории культуры Немецкой автономии на Волге. Саратов, 1995. С. 21–40. // Немцы Поволжья – электронная библиотека. URL: http://wolgadeutsche.net/bibliothek/Jerina_DPI.htm
7. Литературный немецкий язык или диалект в качестве языка преподавания? // Nachrichten. 1924. № 101.
8. О языке преподавания. // Nachrichten. 1924. № 47. С. 4.
9. Русс Й. Литературный язык и диалекты. // Труд. 1924. № 9.
10. Шиллер Фр. Язык преподавания в наших школах. // Nachrichten. 1924. № 84.
11. Язык преподавания. // Nachrichten. 1924. № 47.

SKORIKOVA E.P.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

DEBATES ON PRESERVATION OF CULTURAL TRADITIONS IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE VOLGA GERMAN AUTONOMOUS IN 1924: A CASE STUDY OF PERIODICAL PRESS

In this article the author analyses the problem of preservation of the local dialects as an important agent of Volga Germans historical and cultural traditions. A case study of periodical press details the debate students, practicing teachers and academic elite took part in.

Key words: periodical press, the Volga German Autonomous Republic, cultural tradition, historical and cultural memory.